

Вячеслав Марченков

Шальные 90-е Часть первая

Вячеслав Марченков

Шальные 90-е Часть первая

<https://litres.ru/74590494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический триллер о жизни молодых людей в 90-е года прошлого века. Время расцвета криминала и бандитизма, так или иначе коснулось всех. Шальные деньги, рестораны и проститутки на фоне обнищания простого народа, как нарыв на теле больного, который срочно нужно было вскрыть. И это вскрытие проходило медленно и болезненно.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Марченков

Шальные 90- е Часть первая

Пролог

90-е годы прошлого века обрушились на страну, словно ураган, что не просто гнёт деревья, а выворачивает их с корнем, обнажая переплетённые, иссушённые временем корни. Или как смерч, который не просто проносится по полю, а стирает с лица земли целые деревни, оставляя после себя лишь перекошенные столбы да обрывки тряпья, хлопающие на ветру. Противостоять этому было невозможно — всё равно что пытаться удержать бурю голыми руками: не успеешь и вздохнуть, как она сорвёт с тебя пальто, швырнёт в грязь и пойдёт дальше, круша и ломая.

Лишь только распался СССР, страна неотвратимо покатилась в пропасть — будто кто-то выдернул опору из-под многоэтажного дома, и теперь эта громада медленно, с тяжёлым, скрежещущим стоном оседала, грозя погрести под собой всех, кто не успел выскочить. Ещё вчера эти улицы казались надёжными, привычными, знакомыми до каждой выбоины на асфальте, а сегодня они будто стали чужими: витрины

магазинов зияли пустыми глазницами, двери заводских проходных закрывались с таким звуком, будто захлопывались крышки гробов.

Некогда уважаемые люди — мастера, инженеры, начальники смен, проработавшие на заводах по двадцать, по тридцать лет, — одномоментно лишились не только работы, но и самого смысла своего существования. Их грамоты, их почётные звания, их красные значки за ударный труд в одночасье обесценились, как старые купюры, которые теперь даже на трамвай не хватало. Они стояли у закрытых ворот, кутаясь в потёртые пальто, и не знали, куда идти: дома ждали голодные семьи, а впереди была только серая, промозглая пустота.

Многие из тех, кто окончил высшие учебные заведения даже с красным дипломом, вдруг оказались не нужны родным предприятиям. Их знания, отточенные в аудиториях, оказались бесполезны в новом мире, где главным навыком становилось умение быстро сориентироваться, схватить товар, выкрикнуть цену, не дать себя обмануть. И они ринулись осваивать рынки — становились продавцами рыбы, мяса, куриных ножек, прозванных в народе «ножками Буша», африканских бананов и прочего ширпотреба. И хотя, в их движениях ещё чувствовалась неловкость людей, привыкших к другому ритму жизни, они ещё не умели кричать, не умели торговаться, не умели улыбаться сквозь зубы, но они очень быстро учились — иначе было не выжить.

А кто был проворнее, кто ещё сохранил хватку и чутьё,

решили податься в бизнесмены. Они выкупали у государства за сущие гроши некогда народные богатства — цеха, склады, магазины, целые предприятия, на которых ещё недавно сами же и работали, только теперь уже не как инженеры или мастера, а как новые хозяева. Для них эти времена стали истинным раем — временем возможностей, когда можно было за год сколотить состояние, о котором раньше не смели и мечтать. Однако даже этих людей нельзя было назвать успешными, потому как удача бывает скользкой и не всегда её можно цепко ухватить за хвост.

Новая экономическая политика, охватившая некогда великое государство, пришлась по душе не всем. И эти немногие, будучи молодыми, крепкими и здоровыми, увидев, что власти забыли о судьбе своего народа, решили сами позаботиться о себе. Как и во времена СССР, призыв «Власть народу», стал главным их лозунгом, и, видимо, стремясь к этому, они решили, как и прежде, раскулачивать слишком зажиточных граждан, не стыдясь, иногда, урвать кусок и у обычного труженика. Как говорится «не убудет». Эта тонкая прослойка общества, называемая в народе новым словом рэкетеры, а проще говоря — бандиты, сбивалась в группы, делила районы, брала под контроль рынки, дороги, в общем всё, что имело хоть какую-то ценность и могло приносить прибыль. И ведь, добились своего. Так, как Советская власть ни боролась с неравенством, в государстве снова появились два класса — богатые и бедные. С небольшой поправкой на вре-

мя: если при царе-батюшке не слышали о бандитизме и воровстве в размахе всей страны, то сейчас это стало обыденным явлением, почти нормой, о которой говорили шёпотом, но к которой постепенно привыкали.

Что же оставалось делать тем, кто не был таким здоровым и проворным, как эти новые хозяева жизни? Тем, кто вырос во времена всеобъемлющего дефицита, когда радость приносил даже кусочек колбасы, а счастье измерялось тем, удалось ли достать книгу любимого автора или билет на хороший спектакль? Человека, привыкшего к трудностям, очень сложно напугать чем-то более катастрофичным: он умеет терпеть, умеет ждать, умеет находить выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Так случилось и с обычными людьми, отработавшими на заводах и фабриках много лет: они не сдавались, не опускали рук, а искали хоть какой-то способ выжить и прокормить своих близких.

Многие из них отправились искать лучшей жизни в крупных городах бескрайней России, надеясь, что там, среди миллионов незнакомых лиц, им удастся найти своё место в жизни. Бросая свои города, посёлки, деревни, да и родных детей на произвол судьбы — вернее, на попечение бабушек и дедушек, которые и сами едва сводили концы с концами. А через год, через два эти мальчишки, выросшие в подъездах и на пустырях, стали пополнять ряды рэкетиров и охотников за удачей, для которых единственным законом становилась сила, а единственной моралью — выживание.

Одним из них, к великому сожалению, оказался и я. Я не хотел этого, не мечтал об этом, но жизнь сама толкнула меня на этот путь, подбросив, как щепку в бурлящий поток, и я не смог удержаться на поверхности. Теперь, спустя годы, я решил поделиться с вами историей своей жизни — не для того, чтобы оправдать себя, а чтобы вы поняли: в те времена грань между «хорошим» и «плохим» была такой тонкой, что её почти не было видно, и каждый шаг мог стать роковым.

Глава 1

Время развала Советского Союза я встретил молодым человеком — только что отслужившим в армии. И хорошо помню, что даже воздух, в те дни, будто стал другим, очень густым и тяжёлым, пропитанным предчувствием перемен, которых никто толком не понимал, но все каким-то внутренним чутьём ощущали. По совету матери я устроился на завод слесарем — он находился через дорогу от пятиэтажки, где я жил с родителями. Серый корпус завода с облупившейся краской и ржавыми трубами казался мне тогда чем-то надёжным, почти незыблемым: мол, если есть завод, значит, и жизнь идёт своим чередом.

Музыкального образования я не имел, хотя не плохо играл на гитаре. Пальцы сами находили нужные лады, будто знали то, чего не знал я. Голосом бог меня не обидел, однако репертуар мой почему-то складывался из дворовых песен, пропитанных горечью и уличной правдой, да из Высоцкого, Розенбаума и, конечно, Гулько. Когда я брал гитару и начинал петь на лавочке во дворе, соседи выглядывали из окон, кто-то одобрительно кивал головой, кто-то плевался, отзываясь обо мне, как о шпане, но я не обращал на это особого внимания, потому как послушать меня тут же выбегали девчонки, живущие по соседству. В этих песнях было что-то знакомое, родное — словно они говорили за нас, за

тех, кто ещё не научился формулировать свои тревоги обычными словами.

К слову сказать, что, даже вернувшись со службы, я продолжал заниматься боксом. За плечами была спортрота и первый разряд, а привычка держать удар стала чем-то большим, чем просто спортивная выучка, — она стала частью моего характера. В нашем районном центре популярными были всего две секции ДЮСШ: лёгкая атлетика и бокс. Вечерами там пропадала большая часть моих ровесников. Мы приходили в зал, где пахло потом, старым деревом и мастикой, и сбрасывали туда всё, что накопило за день: злость, растерянность, юношескую гордыню. Тренер, суровый мужик с перебитым носом, редко хвалил, но умел одним взглядом заставить собраться.

До политики, естественно, никакого дела нам не было. Наши головы были заняты совершенно другим. Днём — работой на заводе, где я крутил гайки, чинил станки и старался не думать о том, что детали всё чаще приходили бракованными, а заказы становились всё реже. Потом — спортзалом, где мышцы уставали, а мысли прояснялись. А вечером, если мела метель и трещали морозы, мы собирались всем двором и шли на дискотеку в районный дом культуры. Летом же танцы перемещались в «зверинец», как называла «клетку» молодёжь.

На этих, так сказать, культурных мероприятиях частенько возникали столкновения между районами города. Как все-

гда, из-за девчонок, но бывало и просто от желания помериться силами, доказать, что ты не хуже других. После таких стычек я множество раз оказывался в стенах родной милиции. Но, как правило, заявления никто из пацанов друг на друга не писал. Утром за мной приходил отец. Его в городе знали и уважали многие. Не знаю, было ли это из корысти или по заслугам, но факт оставался фактом: он держал пасеку в тридцать семей пчёл, и его мёд кушала вся милиция и даже райком партии. Отец просил отпустить меня, говорил, что я непутёвый и он возьмётся за моё перевоспитание, после чего, естественно, отпускали. А дома, пожурив меня при матери за хулиганство, затем, подмигивал глазом, одобритительно цокал языком и тихо, чтобы мать не слышала, говорил, что я правильно делаю — нельзя спускать оскорбления, иначе сядут на шею. В его словах была своя, жёсткая правда улицы, и я её чувствовал, даже если умом не всегда принимал.

Так и прошло время до середины лета 1992 года. Дни сливались в однообразный ритм: завод, спорт, двор, драки, короткие примирения. И вот однажды, придя на очередную смену, я почувствовал эту тишину раньше, чем услышал её. В цехе было слишком спокойно: станки стояли, рабочие кучковались небольшими группами, и в воздухе витало то самое предчувствие, которое я уже знал по другим моментам жизни — предчувствие конца. Меня подозвал к себе мастер — сутулый мужчина с усталыми глазами, который ещё недавно

кричал на всех, а теперь будто съёжился. Он отправил меня в отдел кадров писать заявление об увольнении: заказов на продукцию нет, и в моих услугах предприятие больше не нуждается.

Среди таких же, как я, «бедолаг», оказалось трое моих друзей — Женя, Лёха и Саша. Мы получили отвалыные и, скооперировавшись, решили отметить увольнение в пивном кафе. Это место знали все: тесное, шумное, вечно переполненное. Подойдя к нему, мы увидели огромную очередь желающих глотнуть хоть немного бодрости в этом сером, теряющем опору мире. Мест, естественно, не было, но вышибалой здесь работал один из пацанов, занимавшихся с нами в секции. Он хорошо знал, что останавливать нас выйдет ему дороже, поэтому мы беспрепятственно оказались внутри помещения.

Раньше, как и мои друзья, пивом я почти не увлекался, поэтому никогда не думал, что это зелье пользуется у народа таким огромным спросом. Теперь же мы решили влиться в его ряды. Заказав себе по две кружки пенистого напитка и раков, мы приземлились за столиком у окна. Стекло было мутным от копоти и старых наклеек, но сквозь него пробивался тусклый свет ленивого солнца, пробивавшего сквозь плотные облака, рисуя на столе неровные квадраты. В ожидании заказа мы стали обдумывать наши дальнейшие действия.

— Ну что, Вань! Куда теперь думаешь устроиться? —

взглянув на меня, первым начал разговор Женька.

Все посмотрели в мою сторону, ожидая ответа. В их взглядах не было насмешки — скорее, надежда, что у меня есть какой-то план, какая-то тропа в этом новом, пугающе свободном мире. Я чуть подумал, чувствуя, как тяжесть неопределённости давит на плечи, и вымолвил:

— В бизнес подамся! На заводах теперь ловить нечего!

Слова прозвучали громче, чем я хотел, и в них было больше бравады, чем уверенности. Но в тот момент мне нужно было хоть что-то сказать, чтобы не рассыпаться от собственной растерянности.

И тут же задал встречный вопрос:

— А ты куда?

Женька некоторое время смотрел в окно, будто искал там ответ. За стеклом город казался чужим, словно кто-то подменил привычные очертания домов и улиц на что-то незнакомое.

— А я в ДОСААФ на водилу учиться пойду, — наконец откликнулся он. — Хочу в «Совтрансавто» устроиться, в Европу ходить.

— А я вышибалой устраюсь, — вступил в разговор Лёха, схватив рака из тарелки, которую только что поставила на стол официантка. — Видел объявление о приёме на работу в центральное кафе у рынка.

— Ну а ты, Сань, что думаешь по этому поводу? — повернув голову к четвёртому другу, поинтересовался я.

Тот усмехнулся, и словно ничего не произошло, спокойно проговорил:

— А я пока дома посижу! Дел невпроворот. Ворота на гараже поменять нужно, забор покосился. В общем, без работы не останусь.

В это время на стол поставили пиво. Пена медленно оседала, оставляя на стенках кружек липкие дорожки. Мы переключились на другую тему, не ведая, что после этого разговора пути многих из нас разойдутся, чтобы потом вновь сойтись — но уже не в самых благоприятных обстоятельствах. И каждый из нас, сам того не зная, сделал сегодня первый шаг в ту новую жизнь, где прежние правила больше не работали, а новые ещё предстояло выковать на ходу.

Глава 2

Но слова, как известно, легче сказать, чем выполнить. Я изо всех сил старался придумать хоть какой-нибудь бизнес — перебирал в голове одну идею за другой, но всё казалось либо слишком сложным, либо откровенно нелепым. С каждым днём раздражение нарастало, будто внутри медленно натягивалась струна, готовая вот-вот лопнуть. Это не ускользнуло от внимания отца. Он всегда замечал такие вещи — даже если молчал, всё равно видел. И, желая хоть как-то встряхнуть меня, вернуть в реальность, он однажды вечером, когда мы сидели на кухне и пили крепкий чай, вдруг сказал:

— Завтра поедem со мной на пасеку. Поможешь с рамками да ульями. А то одному тяжело стало.

Отказать я не мог. Да и не хотел по-настоящему: в глубине души мне хотелось просто отвлечься, перестать бесконечно крутить в голове бесплодные планы. Поэтому рано утром, ещё до того, как солнце успело как следует прогреть воздух, я вышел во двор, где отец уже прогревал старый мотоцикл. Запах бензина смешивался с прохладой раннего утра и запахом росы на траве — такой знакомый, почти родной. Мы сели, я обхватил отца за пояс, и мотоцикл, фыркая и вздрагивая, тронулся с места.

Дорога до пасеки заняла не меньше часа. Узкая просе-

лочная трасса петляла между полями, то ныряя в низины, то взбираясь на пригорки. По обочинам тянулись заросли полыни и крапивы, а дальше, за ними, раскинулись бесконечные гречишные поля — лёгкий медовый аромат которых проникал даже сквозь ветер, который хлестал в лицо. Я смотрел по сторонам, стараясь не думать ни о чём, просто впитывать этот пейзаж, такой привычный и в то же время ставший каким-то чужим после всех перемен.

И вдруг мой взгляд зацепился за что-то необычное. На фоне ровной линии горизонта темнел заброшенный сад — не просто участок с деревьями, а целый мир, застывший во времени. Яблони там росли густо, их ветви, тяжёлые от плодов, склонялись до самой земли, будто кланялись невидимому хозяину. Некоторые ветки лежали прямо на траве, усыпанные яблоками, которые уже начали темнеть по бокам от спелости. Картина была одновременно красивой и грустной — как воспоминание, которое хочется удержать, но оно всё равно ускользает.

— Пап! — крикнул я прямо в ухо отцу, стараясь перекрыть рёв мотора.

— А? — он слегка повернул голову, но тут же снова уставился на дорогу.

— Кому принадлежит этот сад? — повторил я громче.

— Никому! — коротко отозвался он, не поворачивая головы. И тут же, будто вспомнив что-то, добавил: — Раньше здесь была школа, но деревня угасла. Людей почти не оста-

лось, вот школу и закрыли, перенесли в соседнее село. Теперь тут только ветер гуляет да птицы.

Этот ответ меня почему-то очень обрадовал. Словно в нём была не просто информация, а разрешение, зелёный свет для какой-то смутной идеи, которая только начинала оформляться в голове. Ещё совсем недавно, по поручению мамы, я ходил на рынок за мясом и невольно обратил внимание на цену яблок. Она меня тогда буквально поразила: за килограмм просили столько, что на эти деньги можно было купить не меньше свинины или говядины. И вот теперь передо мной был целый сад, полный плодов, которые никому не нужны. Казалось, сама судьба подкидывала мне шанс.

Приехав на пасеку, я на время забыл о яблоневом саде. Работа быстро затянула: нужно было переставить ульи, проверить рамки, подкрутить крепления, да и просто побыть рядом с отцом, слушая его спокойные, неторопливые объяснения. Время текло незаметно, и только когда солнце уже стояло высоко, мы собрали инструменты и двинулись обратно. Но по дороге я снова вспомнил про сад, и мысль эта уже не отпускала.

Вернувшись домой, я долго не мог найти себе места. В конце концов сел за стол, мама поставила передо мной чашку горячего чая, и я, обхватив её ладонями, чтобы согреться, начал прокручивать в голове все детали. План постепенно обретал форму. Правда, для его выполнения нужен был напарник с автомобилем — ведь яблоки нужно было как-то

вывезти, а мотоцикл тут явно не помощник. И тут я вспомнил о Сашке. Он тоже сидел без дела, как и я, только у него был «Москвич» — старый, но надёжный, с которым товарищ носился, как с ребёнком.

Хорошенько выспавшись, рано утром я отправился к другу. Утро было тихое, прозрачное, будто вымытое дождём, хотя дождя не было уже несколько дней. Дом Сани стоял на окраине, окружённый невысоким забором, который он всё время пытался починить. Когда я подошёл ближе, то увидел, что Саня уже на ногах — стоит возле забора, поправляет перекладину, хмурит брови и что-то бормочет себе под нос.

Увидев меня, он вдруг расплылся в широкой улыбке и, ещё издали, прокричал:

— Привет, тунеядец!

Я усмехнулся и, подходя ближе, ответил:

— Привет, работяга!

Мы поздоровались, хлопнув друг друга по плечу, и я сразу перешёл к делу:

— Слушай, Сань, у тебя машина на ходу?

Вопрос прозвучал немного резко, без предисловий, и Саня вдруг напрягся. Он посмотрел на меня внимательно, будто пытаюсь прочитать что-то между строк, и возмущённо произнёс:

— Я уже сказал Лёхе, что рэкето́м заниматься не буду! Ищите другого кататься с вами.

— А при чём тут рэкет? — отозвался я, недоумённо пожав

плечами.

— Ну, Лёха с блатными подъезжал, предлагал... — Саня махнул рукой, будто отгоняя неприятное воспоминание.

— Да ты что, с ума сошёл? — совершенно искренне промолвил я. — Я и сам не сторонник этого дела. Блатные песни, что я пою, и блатная жизнь, в которую лезет Лёха, — это две большие разницы.

— Это точно! — согласился Саня, расслабившись. Он снова взялся за перекладину от забора и буркнул: — Помоги поставить пролёт. Сейчас доделаем и поговорим о твоём деле.

Я молча кивнул и принялся помогать. Мы проковырялись с ремонтом забора и ворот часа два — забивали гвозди, подгоняли доски, ругались на кривые петли и смеялись над собственными неуклюжими попытками сделать всё идеально. Пот стекал по вискам, руки пахли деревом, но в этом была какая-то своя, особая радость — делать что-то вместе, без спешки, просто помогая друг другу. Наконец, закончив, мы вымыли руки под рукомойником, где вода была ледяной, и от этого кожа на пальцах будто ожила. Потом мы сели на порог крыльца, прислонившись спинами к тёплой стене дома, и снова вернулись к разговору.

— Так что там у тебя? — задал первый вопрос Саня, глядя прямо на меня.

И я рассказал ему о своём плане — о яблонево́м саде, о ценах на рынке, о том, как можно собрать плоды и попробо-

вать их продать. Саня слушал, не перебивая, только задумчиво почесал пальцами лоб и, кашлянув в кулак, словно старик, вымолвил:

— Хороший план! Но ты не думал о том, что в этом году урожай яблок небывалый? На нашем центральном рынке их и так навалом. Много не продашь. А бензин, время — всё это деньги. Что в итоге останется нам? Да ещё если дожди пойдут — фрукты начнут гнить прямо в ящиках.

После этих слов я задумался. Его слова били точно в цель, вскрывая слабые места моего плана. Я повторил движение товарища — почесал лоб, пытаюсь собрать мысли, и вытянул из себя:

— Да, неувязочка вышла...

— То-то и оно! — подтвердил друг и добавил: — Нужно найти что-то такое, что не испортится и будет в большой цене.

Некоторое время мы молчали, каждый погружённый в свои мысли. Тишину нарушали только стрекот кузнечиков, где-то в траве да далёкий лай собаки. И вдруг меня осенило. Идея вспыхнула так ярко, что я даже подскочил с порога, едва не опрокинув пустую жестяную банку, стоявшую рядом.

— Саня! Да ты гений! — воскликнул я.

Тот поднял на меня удивлённый взгляд и тихо проговорил:

— Не кричи, как сумасшедший. Если пришла в голову идея, говори спокойно.

Я снова уселся на прежнее место, сделал глубокий вдох, чтобы унять внезапный всплеск эмоций, и выговорил:

— Денег на подъём большого дела у нас пока нет. Значит, нужно начинать с того, что можно достать без затрат. Как те же яблоки. Только лучше.

— Не мути воду! — оборвал меня товарищ и тут же изрёк дворовую мудрость: — Ближе к телу, как говорил Мопассан!

И я уже совершенно спокойно, ровным голосом произнёс:

— На днях мне звонил друг детства из Москвы. Он уехал туда вместе с родителями, когда у них тоже завод закрыли. Так вот, он сейчас работает на приёмке цветмета. И неплохие бабки зарабатывает. А я с завода лома цветного вывез на свалку немерено. Место я помню. Пока никто не чухнулся, можно откопать.

У Сани от моего предложения внезапно загорелись глаза. Он замер на мгновение, словно переваривая услышанное, а потом, не сдержавшись, хлопнул меня по плечу от души и воскликнул:

— Ваня! Это ты гений! Иди переодевайся и жди меня! Я возьму лопаты, тазы, рукавицы. Надо ковать железо, пока оно не остыло!

— Пока горячо! — поправил я друга.

На что он, поднимаясь с крыльца и уже предвкушая дело, произнёс:

— Какая разница, лишь бы была цветнина...

Глава 3

Вернувшись домой, я быстро переоделся в рабочую одежду — потрёпанные джинсы, застиранную футболку да армейский бушлат, который я одевал под любую непогоду. Ткань давно потеряла цвет, зато не жалко было испачкать в земле или мазуте. Посмотрел на себя в зеркало в прихожей: вид и правда был такой, будто собрался не на прогулку, а на тяжёлую работу. В глазах — усталость, а в голове всё ещё крутились обрывки мыслей о том, как бы выкрутиться из этой бесконечной неопределённости.

Вскоре я уже стоял у подъезда, вдыхая прохладный утренний воздух, пахнувший мокрым асфальтом. Я поглядывал на дорогу, ожидая Саню, и машинально постукивал носком ботинка по бордюру, что явно выдавало моё нетерпение.

— Привет, Вань!

Неожиданно для себя услышал я позади себя знакомый голос. Повернувшись на него, я увидел Женю, который, улыбаясь во всё лицо, рассматривал меня, как инопланетянина — с таким неподдельным любопытством, будто я вдруг заговорил на неведомом языке. На нём был аккуратный костюм, явно не из дешёвых, а галстук хоть и сидел немного криво, всё равно выдавал, что парень старался выглядеть солидно.

— Ты что, на работу устроился? — задал он напрашивавшийся к моему виду вопрос.

Я криво усмехнулся, чувствуя, как в груди шевельнулось что-то вроде горькой иронии.

— Нет! Я занялся кладоискательством. Говорят, что в нашем городе когда-то отдыхал Тутанхамон Первый и потерял здесь сундук с бриллиантами. Хочу найти его.

Женя на секунду замер, а потом расхохотался так звонко, что проходящая старушка у соседнего подъезда покосилась на нас с явным неодобрением.

— Ну ты даёшь, Вань! — проговорил он, вытирая выступившие от смеха слёзы.

И тут же я поинтересовался, стараясь скрыть за шуткой собственную растерянность:

— А ты чего при параде и цветёшь, как майская роза?

— Еду сдавать экзамены! — коротко отозвался он.

— Ты что, уже отучился? — недоверчиво вымолвил я.

Приятель довольно просто пожал плечами, будто речь шла о чём-то обыденном:

— Мать поделилась сбережениями, я и отвалил бабла, чтоб не учиться. Поеду заберу удостоверение с двумя категориями.

Я снова улыбнулся его признанию, но на этот раз улыбка вышла не столько весёлой, сколько печальной. А потому и сыронизировал, стараясь удержать в голосе лёгкость:

— Есть в развале страны и положительные нотки. Теперь, наверно, и в институтах учиться не нужно будет, были бы деньги на кармане.

Откуда же я мог знать, что моя ирония впоследствии станет повсеместной практикой — не шуткой, а самой настоящей реальностью, в которой связи и деньги значили куда больше знаний и стараний.

Тем временем к подъезду подъехал «Москвич» — потрёпанный, но упрямый, с облупившейся краской и слегка перекосенным бампером, который Саня уже полгода грозился выправить, да всё руки не доходили. Из машины вылез третий наш друг, поправил кепку и, прищурившись от утреннего солнца, махнул нам рукой.

Какое-то время мы болтали на разные отвлечённые темы: вспоминали школьные годы, обсуждали слухи о закрытии завода, спорили о том, какая музыка теперь в моде, а какая — уже «прошлый век». Разговор лился легко, без напряжения, и на несколько минут казалось, что мир всё ещё устроен просто: есть друзья, есть утро, есть дорога впереди.

Потом мы добросили Женю до автовокзала. Он выскочил из машины с той самой бодростью, которая бывает только у людей, предвкушающих перемены, помахал нам и скрылся в толпе у касс. Мы с Саней переглянулись — в его взгляде читалось лёгкое недоумение, будто он до сих пор не мог поверить, что жизнь теперь идёт по каким-то новым, странным правилам.

А затем «Москвич» покатил дальше, в сторону свалки — того самого места, куда годами сваливали отходы металла с завода. Место я нашёл сразу: пустырь на окраине, огорожен-

ный покосившимся забором, за которым виднелись груды ржавого железа, старые бочки и горы мусора. Воздух здесь пах сыростью, ржавчиной и чем-то едким, будто сама земля устала от того, что на неё сбрасывали десятилетиями.

Мы взялись за лопаты. Первые полчаса дались тяжело: земля была плотной, местами схваченной корнями травы, а металл прятался глубоко, словно не хотел сдаваться без боя. Пот стекал по спине, куртка стала липкой, а руки быстро покрылись мелкими царапинами. Но постепенно дело пошло: стали попадаться первые обрезки медных труб, потемневшие от времени, но всё ещё тяжёлые и ценные. Мы извлекали их из земли, тщательно очищали от налипшей грязи, и складывали в багажник. Каждый кусок казался маленькой победой — как будто мы отвоёвывали у хаоса хоть немного порядка.

Спустя пару часов багажник был забит до отказа, а «Москвич», и без того не отличавшийся выносливостью, буквально сел на «задницу»: пружины прогнулись, а бампер почти царапал землю. Саня обошёл машину кругом, покачал головой и заключил:

— Хорош, на сегодня! А то мой тарантас рассыплется, не доехав до Москвы.

Я согласился с его доводами. Сил уже почти не осталось, а впереди ещё предстоял непростой путь. С трудом запихнув лопаты в машину — они никак не хотели помещаться среди груды металла, — мы запрыгнули в салон и медленно

поползли в обратный путь. Мотор натужно гудел, подвеска скрипела, но мы ехали, и этого пока было достаточно.

Поездку в Москву мы назначили на раннее утро следующего дня. Прежде мне нужно было созвониться с другом детства — парнем, который уже несколько месяцев крутился в этой сфере и знал, где выгоднее сдать металл. Я набрал его номер тем же вечером; голос в трубке звучал устало, но он не отказал: продиктовал адрес приёмки, время, когда лучше подъехать, и предупредил, чтобы не тянули — цены могли упасть в любой момент. Договорившись о встрече, я положил трубку и на несколько секунд замер, прислушиваясь к тишине в квартире.

Родители в это время находились на пасеке. Я знал место, где мама хранила сбережения на чёрный случай: старая жестяная коробка, спрятанная за стопками зимних одеял в шкафу. Сердце сжалось, когда я доставал оттуда несколько крупных купюр — не столько из-за самих денег, сколько из-за того, что приходилось брать их без спроса. Оставив на кухонном столе записку, я аккуратно вывел: «Взял деньги на срочное дело. Обязуюсь вернуть через три дня» и добавил ещё пару строк, чтобы мама не волновалась.

Собрав вещи для краткосрочной командировки — сменную рубашку, полотенце, зубную щётку и ещё кое-что по мелочи, — я сел на край кровати и долго смотрел в окно, где небо уже темнело, а первые звёзды пробивались сквозь городскую дымку. Мысли кружились, как листья на ветру: то

обещали успех, то шептали о провале. Но я гнал их прочь, убеждая себя, что это просто нервы.

Затем, лёг спать, но сон не шёл. В эту ночь мне снились какие-то обрывочные кошмары: тёмные коридоры, незнакомые лица, голоса, которые что-то кричали, но слов я не мог разобрать. Проснулся резко, ещё до рассвета, с ощущением, будто кто-то толкнул меня в плечо. Вышел на кухню, вскипятил чайник и до самого восхода солнца пил чай, глядя, как за окном медленно светлеет небо. Чёрные мысли лезли в голову скопом, цеплялись друг за друга, складываясь в мрачные картины будущего. Я пытался отогнать их, уговаривал себя, что всё будет хорошо, что это просто усталость и неопределённость делают своё дело.

Только с восходом солнца я смог немного успокоиться. Лучи пробивались сквозь занавески, ложились на пол тёплыми полосами, и в этом простом, привычном свете тревога понемногу отступала. Видимо, сердце чувствовало грядущие перемены моей жизни, предупреждая заранее, но я не внял ему.

И лишь только первые лучи зарницы забрезжили на востоке, я уже стоял у подъезда, в той же потрёпанной одежде, с рюкзаком за спиной и с решимостью, которую сам себе внушал. Друг появился согласно договору ровно в четыре часа утра. Я запрыгнул на переднее сиденье, глубоко вдохнул запах старого пластика и проговорил:

— Поехали!

После чего, «Москвич», громко чихнув для приличия, двинулся по направлению к столице, увозя нас навстречу неизвестности.

Глава 4

До Москвы мы добрались без происшествий, но дорога всё равно вымотала до последней косточки. Саня крутил баранку, не отрывая взгляда от трассы, а я то и дело поглядывал на пробегающие мимо пейзажи — серые пригороды, бесконечные вереницы грузовиков, редкие заправки с потускневшими вывесками. В салоне пахло бензином и старыми газетами, которые мы бросили на заднее сиденье ещё в самом начале пути. Время тянулось тягуче, как разогретый гудрон, и каждый километр будто высасывал из нас остатки сил.

Остановившись перед МКАДом, мы выбрались из машины, разомлевшие от долгого сидения. Воздух здесь был другим — тяжёлым, пропитанным гарью и пылью, будто сама столица дышала устало и раздражённо. Перекусили тем, что взяли из дома в дорогу: бутерброды с колбасой, уже немного заветревшейся, варёные яйца, завёрнутые в бумагу, и пару яблок, которые за время пути стали слишком мягкими. Ели молча, торопливо, словно боялись, что кто-то отнимет у нас эту скромную трапезу. Потом достали потрёпанную карту, края которой давно истрепались, а сгибы покрылись белёсыми трещинами. Долго водили пальцем по серым линиям улиц, сверяли с адресом, спорили, где лучше свернуть, чтобы не упереться в пробку. Наконец, маршрут был утверждён, и мы снова тронулись в путь, вливаясь в бесконечный поток

машин, который нёс нас вперёд, будто неумолимое течение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.